

25. Нога О. Проект пам'ятника Івану Левитському. – Львів, 1997. – С.278-298; Черкес Б., Грицюк Л. Архітекст Євген Нагірний // Дзвін. – 1991. – №4. – С.150–155.
26. Florentyna Rzemieniuk. Unici... – S.149.
27. Ваврик М. Вказана праця. – С. 65.
28. Литвин Микола. Українсько-Польська війна. 1918-1919рр. – Львів, 1998. – С.160–191; Павлишин Олег. Організація цивільної влади ЗУНР у повітах Галичини (листопад – грудень 1918 року) // Україна модерна. – Ч.2-3. – Львів, 1999. – С.132–192.
29. ЦДАЛ, ф.358, оп.1, спр.7, арк.30.
30. Там само, арк.31.
31. Там само, арк. 40.
32. Там само, арк.45.
33. Липинський В. Релігія і церква в історії України. – Київ, 1993. – С.52.
34. С.Баран. Митрополит Андрей Шептицький, життя і діяльність. – Мюнхен, 1947. – С.118.
35. К.Левицький. З національної діяльності митрополита А.Шептицького. – “Богословія”, Т.IV (1926). – С.41-45.
36. T. HALUSZCZYNSKYJ. – op.cit., – P. 280.

Королів В.И.

ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ В ПРЕДВЕСТИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ШТОРМА В НАЧАЛЕ ХХ ВЕКА

Случаи актов воинского неповиновения на флоте и в армии России обращали на себя внимание и становились объектом живого обсуждения у современников не только российской, но и мировой общественности. Однако в последующей исторической литературе бунты черноморцев не были подвергнуты тщательному изучению и политическому анализу. Достаточное количество работ было посвящено лишь событиям на броненосце «Потемкин» и крейсере «Очаков», но оценивались они в прокоммунистическом духе и освещались в загероизированном виде. Сведения о других бунтах скудны и не всегда отвечают исторической правде.

Начало прошлого столетия было отмечено целой серией актов воинского неповиновения матросов – черноморцев и солдат Севастопольского гарнизона: в июле 1904г. вспыхнул бунт на крейсере «Березань», в начале 1905г. – в Лазаревских казармах, в июне – на броненосце «Потемкин», миноносце №267 и судне «Прут», в ноябре того же года – на крейсере «Очаков» и броненосце «Пантелеймон», в мае 1907 г. – на линейных кораблях «Синоп», «Три святителя» и «Ростислав», а в сентябре – в Брестском пехотном полку, в июне 1908г. – в Минной роте, в мае 1912г. – на линкоре «Иоанн Златоуст», а месяц спустя – крейсере «Память Меркурия» и др.

Несмотря на то, что не обо всех актах воинского неповиновения нам известно в достаточной мере, сегодня уже можно говорить о причинах, характере, политической направленности и других аспектах этого явления в одном из крупных боевых формирований Морского ведомства России, каковым являлся Черноморский флот. Анализ архивных документов, открывающих нам новые страницы флотской жизни тех лет, убедительно показывает, что первопричиной возникновения всех бунтов являлось неудовлетворенность нижних чинов военно-бытовыми условиями воинской службы. Достаточно напомнить, что печально известный бунт «потемкинцев» начался из-за плохо приготовленной пищи. 25 мая 1907г. матросы броненосца «Синоп» вылили за борт недоброкачественный завтрак, что стало сигналом для экстремистских действий. В июне 1912 г. несколько кораблей проявляли недовольство плохой выпечкой хлеба и были очень возмущены, случаем, когда на одном из судов пришлось выбросить в море 40 пудов непригодного к употреблению мяса [1].

Факты неповиновения командованию предвещались циркулированием слухов о якобы готовящихся вооруженных восстаниях. Публикации местной прессы подобных «сенсационных» сообщений только добавляли масла в огонь. В начале лета 1905г. это привело к тому, что часть отдыхающих и встревоженных обывателей покинули Севастополь [2].

Распространявшиеся, возможно не без умысла, слухи будоражили умы матросов и солдат, а также городских обывателей, вызвали разговоры в кубриках и на сходках за городом. Так, весной 1907г. на броненосце «Синоп» несколько раз состоялись собрания в машинном отделении с участием 40 черноморцев. Три года спустя несколько матросов на линкоре «Иоанн Златоуст» неоднократно, по сведениям агентуры, участвовали в сходках за Малаховым курганом (окраина города), где выплескивалось «недовольство тягостью (воинского – В.К.) режима, неразрешением читать газеты «Крымский вестник» и «Копейка», тем, что мало отпускают на берег» и т.п. [3].

На собраниях матросы вырабатывали требования, заметим, неполитического характера:

1. Улучшение приготовления пищи и вещевого довольствия;
2. Увеличения жалования, а в связи с этим увольнения сверхсрочнослужащих, хорошо оплачиваемые места, которых могли бы занять матросы унтер-офицерского звания срочной службы;
3. Уставные отношения командиров с подчиненными, исключение случаев рукоприкладства и унижения человеческого достоинства нижних чинов;

4. Отмена воинских притеснений: разрешения носить гражданскую одежду во время отпусков, сидеть при поездках на трамваях, посещать публичные места в городе, отменить обращение на «ты» и т.п.

Способствовали вспышкам бунтов и война с Японией, ощущавшаяся «внизу» острее, чем «наверху». Материальное обеспечение морских и сухопутных войск заметно сокращалось. Зато повысилась требовательность к воинской дисциплине и ужесточилась муштра. Позорное поражение в войне сказалось и на некотором падении авторитета офицерства, часть из которого запятнала себя казнокрадством и «зуботычеством» по отношению к нижним чинам. Приведём лишь один известный факт: 8 ноября 1905 г. экипаж крейсера «Очаков» проявил недовольство «строгостью отношению к службе нового командира капитана 2 ранга Глызьяна» и, предъявив требования улучшить бытовые условия, пожелала улучшить бытовые условия, а также категорично смены военначальника [4].

В то же время на флоте росла прослойка матросов, призванных на службу из промышленных центров страны, в достаточной мере уже «распропагандированных» революционными партиями. Но необходимость в таких технически подготовленных кадрах диктовалась совершенствованием военно-морской техники и судового вооружения. Одновременно из деревни на флот поступала молодёжь, прошедшая, как тогда писалось, «через влияние революционно настроенных учителей, фабричных товарищей и тех еврейских читален, в которые обращены бесчисленные трактиры ...» [5]. Обращает на себя факт, что как в годы накала социально-политической напряженности, так и в периоды до – и послереволюционного времени акты воинского неповиновения заблаговременно не подготавливались. Достаточно одного примера. В мае 1912 г. кучка экстремистки настроенных матросов линкора «Иоанна Златоуст» предприняли попытку «устроить беспорядки» во время учений в Тендровском заливе. Следует учесть, что эта затея, осуществляемая по прежней схеме, воплощалась в жизнь в условиях, когда политические партии были полностью ликвидированы. Мы не согласны с авторами [6], которые голословно утверждали, что «восстание тщательно готовилось», а черноморцы действовали под руководством одесских и севастопольских большевиков. Архивные документы убедительно показывают, что вплоть до 1917 г. в Крыму большевистских групп и организаций не существовало, кроме одной, непродолжительно действующей военной организации РСДРП/б/ в Севастополе в 1906 г. Попытка бунта на линкоре «Иоанн Златоуст» была спонтанной авантюрой группы матросов, не имевших определённой принадлежности к какой-либо революционной партии. Это подтверждают материалы следствия [7].

Разумеется, недовольство среди матросов и солдат существующими условиями службы постепенно накапливалось, но призывы отдельных леворадикалов или революционных комитетов начать бунт в определённый срок цели не достигали. Даже «очаковское восстание» показало несогласованность в этом вопросе двух наиболее влиятельных партийных комитета – эсеров и социал-демократов.

Возникая стихийно, бунты приобретали политическую окраску лишь в периоды социально-политической конфронтации на полуострове благодаря кучкам леворадикалов, стремившихся (заметим, почти бесполезно) столкнуть черноморцев на путь политической борьбы. Приведём один из убедительных примеров. 19 июня четверо сочувствующих социал-демократам матросов во главе с Александром Петровым предприняли попытку поднять бунт на судне «Прут», арестовав командира корабля Барановского и офицеров, матросы направили свой корабль в Одессу на помощь «Потёмкину», но там его уже не застали и заколебались, сожалея о содеянном. Беспартийный матрос Петров (в советской литературе – В.К.) на общем сборе, описывая ужасы русско-японской войны, всеобщее недовольство ею народа, размах забастовочного движения в стране и грядущую революцию, уговаривал сослуживцев: лучше погибнуть, чем идти «в рабство к Чухнину» (командующему флотом – В.К.) и попасть под военный суд. Матрос Иван Чёрный как мог рисовал морякам будущую светлую жизнь свободного народа, за которую следует отдать свои жизни. Ожидаемого отклика не было. Вожаки поставили вопрос ребром: вернуться в Севастополь или отправиться к румынским берегам для оказания помощи «Потёмкину». Команда с криком «Дашь Севастополь!» выразила недоверие зачинщикам бунта, выпустила из карцеров офицеров и разошлась по служебным местам. «Восстание» на корабле закончилось.

В годы политического затишья, 1910–1914, о политической подоплёке бунтов не может быть и речи. Скрупулёзно проведя расследование по делу беспорядков на «Иоанне Златоусте», прокурор военно-морского суда генерал-майор Кетриц с полной уверенностью утверждал: «В деянии матросов никакой политики нет». Ему вторил и начальник Севастопольского жандармского управления полковник Попов: политической подкладки готовившийся беспорядок не имел, несмотря на то, что все матросы «помнят свободу 1905–1906 гг.» [8].

Зачастую сами экстремистки настроенные главари бунтов не имели определённых политических взглядов и партийной принадлежности, за исключением нескольких случайных революционеров, оказавшихся на броненосце «Потемкин» и крейсере «Очаков». У некоторых из них наблюдались проблески большевистского мышления с примесью идей других политических сил. По показаниям на следствии по делу златоустцев матроса Шоста один из бунтовщиков говорил: «Надо государя умертвить и, если поддержат флот на берегу, будет выборное правительство, внутри империи начнутся аграрные выступления, в результате которых земля у помещиков, монастырей и удельного ведомства будет конфискована; все лица недовольные новыми законами, будут убиты, даже бедные. Если флот не поддержат, придётся ограбить прибрежные города, уйти за границу и все корабли продать, поделить между собой и предоставить за границей каждому идти, кто куда хочет» [9].

Бунты носили характер заговоров и не имели чётких планов. Как правило, бунтовщики намеревались действовать по идентичным сценариям: неожиданно напасть на командиров, изолировать их, овладеть казенным оружием и денежными средствами, и даже кораблями, а далее их цели были расплывчатыми и политически неопределёнными. Робким политическим прорывом видятся сегодня единственное политиче-

ское требование П.П. Шмидта о созыве Всероссийского Учредительного собрания и намерения златоустцев под угрозой смерти потребовать от царя улучшить условия воинской службы и начать демократические преобразования в стране.

Политическая наивность «фанатиков» бунтов просматривается и в их убежденности в том, что весь флот, а затем и прибрежные гарнизоны всегда готовы примкнуть к их «революционным затеям». Вернемся к бунту на «Синопе». Зачинщики бунта, имевшие поверхностные связи с военными организациями эсеров и социал-демократов Севастополя убеждали сослуживцев в том, что три четверти личного состава Брестского и Белостокского пехотных полков, ряд кораблей и революционные организации города готовы поддержать их «революционное предприятие». Последние находились в это время в угнетенном состоянии и склонялись к тактике индивидуального террора. На самом деле солдаты в абсолютном большинстве остались верными правительству и участвовали в ликвидации беспорядков. Как показывают материалы следствия, практически на всех кораблях флота «подстрекателей к бунту не было». Матрос с эсминца «Звонкий» на предложение участвовать в бунте откровенно заявил: «У нас все трусы» [10]. Участвуя в подавлении бунтов, матросы и солдаты продемонстрировали верность престолу и отечеству. Все «революционные мероприятия» происходили в пределах 1–3 воинских частей, т.е. носили локальный характер.

Иногда власти были вынуждены признать себя бессильными в борьбе с «матросской стихией», (Вспомним для сравнения отказ командования обстрелять «Потемкин»), иногда действовали жестко, не гнушаясь использованием вооруженной силы (Бомбардировка «Очакова»). Но в тех и в других случаях все бунты терпели неудачу, т.к. (хотя порой и с опозданием) административно – полицейская система царизма умела мобилизоваться и давать отпор экстремистским поползновениям. Наиболее наглядно это показывает бесславное окончание бунтов послереволюционного времени. Как только началась «заваруха» на «Синопе», корабль тотчас же был отправлен на базу, а зачинщики выявлены. Оперативно, буквально за несколько часов до вспышки был раскрыт бунт на крейсере «Память Меркурия».

Причем, с откатом революционной волны репрессивные меры властей все более ужесточались (Заметим, что до революции, скажем, за беспорядок на крейсере «Березань» в июле 1904 г., репрессии не применялись). За участие в «очаковской эпопее» были казнены 4 вожака. За события мая 1907 г. были преданы военно-морскому суду с броненосцев «Синоп» – 21, «Три святителя» – 16, «Ростислав» – 4 матроса. В численно небольшой Минной роте попытки акта воинского неповиновения в июне 1908г. завершились преданием суду 9 человек. С крейсера «Память Меркурия» в июле 1912г. были арестованы 21 «подстрекатель», из них расстреляны 11 и приговорены к бессрочным каторжным работам – 6. Всего по этому делу проходило 139 черноморцев, из них за нарушение военно-морского устава осуждены на срок от 4 до 8 лет каторжных работ – 111. К тому же с 9 кораблей флота были списаны на берег 287 «неблагонадежных» матроса. Склонная к преувеличению «Правда» писала, что в те дни на Балтийский флот и Каспийскую флотилию были отправлены еще 150 матросов [11].

Периодичность актов воинского неповиновения убеждает в длительности сохранения общего недовольства черноморцев условиями службы, которое время от времени выплёскивалось в виде бунтов. Причиной тому лишь отчасти революционная пропаганда. В те же годы на флотах великих держав подобного явления не наблюдалось, хотя на их кораблях служило немало социалистов и радикалов. Но для ряда стран (Турция, Португалия, Персия, Китай, Россия и др.) это явление было ординарным. Прогрессивная пресса того времени справедливо объясняла повторяемость бунтов в российских вооруженных силах «слабостью, болезненностью и дряхлостью государственного механизма» и советовала властям кроме подавления и судебного преследования бунтарей тщательно исследовать условия, вызывающие такие воинские акты, а также удвоить надзор за революционным подпольем в местах дислокации воинских формирований. И царизм старался реагировать на критику должным образом.

После 1912 г. уроки бунтов заставляли продлевать большую работу по проверке политической благонадежности всех новобранцев, прибывавших на Черноморский флот. Так, из 3999 призывников в 1914г. были выявлены 8 человек, имевших тесные связи с революционными организациями. На 10 солдат из 3855 прибывших в сухопутные части Севастопольского гарнизона по запросу охранного отделения поступили из мест призыва «неблагоприятные сведения политического характера».

Приобретая опыт борьбы с революционным движением, власти и охранные структуры сумели до 1917 года удержать экстремистские порывы черноморцев. Севастопольское жандармское управление с удовлетворением докладывало в МВД России весной 1914 года: «Настроение матросов Черноморского флота после репрессий 1912 года продолжает быть подавленным, жалуются на строгость начальства, трудности службы; каких – либо выступлений в настоящее время ожидать нельзя. В сухопутных частях гарнизона в Севастополе настроение спокойное»[12].

Остаётся добавить, что наша публикация носит тезисный характер и лишь очерчивает проблему, которая бесспорно заслуживает разрешения.

Источники и литература

1. О бунтах на броненосце «Потемкин» и крейсере «Очаков» см. подробно в кн.: Королев В.И. «Бунт на коленях (Политические партии в Таврической губернии. 1905 – 1907гг.)». – Симферополь: «Таврия», 1993. – С.16 – 19, 36 – 39; Центральный государственный архив Автономной Республики Крым (Далее – ЦГА АРК). – Ф. 556. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 40– 41.
2. Газ. «Санкт – Петербургские новости». – 1905. – 10 июня.
3. ЦГА АРК. Ф. 556. – Оп. 1. – Д.6. – Л.20–21.

4. Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905г. Документы и материалы. – Симферополь, 1957. – С.130–131.
5. Газ. «Новое время»(Санкт - Петербург). – 1912. – (Дата и месяц номера не установлены).
6. Лебедев М.И. Революционный Севастополь. – Симферополь, 1928. – С. 32; Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. – Симферополь, 1951. – Т.1. – С.195–209.
7. ЦГА АРК. – Ф. 556. – Оп.1. – Д.8а. – Л. 7–15.
8. Там же. – Д.6. – Л. 35.
9. Там же. – Л.190.
10. ЦГА АРК. – Ф. 150. – Оп.1. –Д.20. – Л.38–49.
11. ЦГА АРК. –Ф. 26. – Оп. 3. – Д.882. – Л.114.
12. Там же. – Ф.556. – Оп.1. – Д.2. – Л. 28–32; – Д.8а. – Л. 214,216; Газ. «Правда». – 1912. – 14 июля.

Пащенко В.Н.

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОТОРЫХ ПОДПОЛЬНЫХ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КРЫМСКОЙ АССР В ГОДЫ ОККУПАЦИИ В 1941–1944 гг. (по материалам Крымского управления КГБ СССР)

Актуальность проблемы состоит в том, что 60-летие Победы в Великой Отечественной войне настоятельно требует от наших послевоенных поколений вернуться в прошлое для того, чтобы решить, как минимум, две основные задачи: во-первых, еще раз вспомнить о тех, кто отдал всё, вплоть до своих жизней, за наше сегодняшнее мирное время; во-вторых, проанализировать причины огромных горьких утрат в целях недопущения их в будущем.

Следует отметить, что интерес к подпольному патриотическому движению в Крымской АССР в годы оккупации в последние годы значительно угас. Это обусловлено тем, что десятилетия, прошедшие после тех суровых лет, как бы вымыли из сознания сегодняшних граждан Крыма вклад в наше сегодняшнее тех, кто сражался и умирал на фронте в тылу за будущую великую и жизненнонеобходимую Победу.

Так, в очерках «История Крыма с древнейших времен до наших дней» подпольному патриотическому движению уделено лишь несколько предложений [1]. Проблема истории Крыма периода Великой Отечественной войны рассмотрена в последние годы в работах В.М. Брошевана [2], И.П. Кондратова [3], М. Ислямова [4].

По заявлению Гитлера на совещании в Ставке 19 июля 1941 г., Крым намечалось освободить от всех чужаков и заселить немцами. По его предложению Крым должен был быть превращен в имперскую область Готенланд (страна готов), а Севастополь – в Теодорихсхафен (гавань Теодориха, короля готов, жившего в 493-526 гг.). Исторически возвращение Крыма в состав Германии основывалось на том факте, что во 2-й половине IV в. в Таврику вторглись пришедшие с берегов Балтийского моря германские племена готов.

Подпольное патриотическое движение в Крымской АССР в годы оккупации было организовано в соответствии с директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июля 1941 г., которая требовала от местных партийных и советских органов ориентироваться на создание в тылу противника не отдельных выступлений, а массового всенародного движения. „В занятых врагом районах, - говорилось в директиве, - создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи и, поджога складов и т.д. [5, с. 19].

Данная директива была конкретизирована в постановлении ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г., требовавшем «...развернуть сеть большевистских подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов» [5, с. 23].

Территория оккупированной фашистами Крымской АССР была включена в состав Рейхскомиссариата Украина [7, л. 28]. Для борьбы с подпольным и партизанским движениями на территории автономии гитлеровцы использовали «Абвергруппу-302» (начальник капитан Г.Тонекс); группу «ГФП-13» (начальник капитан В.Вильке), ряд других спецслужб. Группа «ГФП-13» имела в своем составе казачий взвод и отряд фельдандармерии.

В июле 1942 г. Крымский ОК ВКП(б), находившийся на Северном Кавказе, создал группу по руководству подпольными партийными организациями на оккупированной территории Крымской АССР. Группа подобрала и отправила в Крым коммунистов для организации подпольной работы [6, с. 212].

Составными частями подпольного патриотического движения в годы оккупации Крымской АССР в борьбе с фашистскими захватчиками стали: партийное и комсомольско-молодежное подполье; разведывательно-диверсионные группы НКГБ; деятельность отдельных неорганизованных граждан. «Однако, – как писал уполномоченный Крымского обкома ВКП(б) И. Генов, – вся беда заключалась в том, то в первые дни прихода немецко-румынских оккупантов у нас в Крыму не оказалось единого руководящего партийного центра...» [8, л.6].

Партийное подполье было представлено сетью организаций, деятельность которых организовывал и направлял Крымский подпольный центр из 3-х членов ВКП(б), утвержденный на бюро ОК ВКП(б) 26 октября 1941 г. В состав центра вошли: И.Козлов (секретарь), С.Колесниченко и А.Ефимов. Кроме того, в состав центра включили члена партии Л. Боруца с дочерью комсомолкой Клерой Боруц [9, л.1]. Основными задачами подпольной работы было определено: